

Н.В. Николаева

Ландшафтный подход в сохранении наследия

Смена концепций

Сегодня становится очевидным, что в 90-е годы XX века в России начался новый этап в деятельности по охране и использованию памятников истории и культуры, связанный со сменой концепции деятельности в сфере наследия. Система государственной *культуроохранной* деятельности, еще сохранившая соответствующую целям охраны памятников структуру советского времени, стала пониматься, а затем и именоваться как деятельность по *сохранению* наследия. Постепенно на общегосударственном уровне шло формирование новой концепции, которая в основном соответствует международному опыту комплексного осмысления свидетельств цивилизаций и культуры прошлого как национального и общечеловеческого наследия. В деятельностном плане наследие теперь уже рассматривается не столько как объект охраны, но как феномен, подлежащий использованию в процессах общественного развития. При этом понятие *памятник* (истории и культуры, природы и пр.), которое было основной категорией прежней концепции *охраны* памятников, в новой концепции оставлено лишь в операциональном плане.

Новый этап в деятельности по охране и использованию памятников истории и культуры во многом связан с разработками *Института культурного и природного наследия (Института Наследия)*, учреждённого в 1992 г. в соответствии с конвенцией ЮНЕСКО. Направленность исследований и разработок Института наследия определена «стратегической задачей формирования историко-культурного каркаса страны» [5]. По существу, эта формулировка свидетельствует о том, что в качестве приоритетной по отношению к наследию предлагается деятельность по фиксации и организации *территориальных единиц* культуры и национального наследия России.

В 2002 г. Институт опубликовал *Основные положения современной концепции по управлению культурным и природным наследием* [5], в которых провозглашено «признание особой роли территориального подхода к сохранению наследия, при котором основным объектом охраны и использования становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия» [5, п.2].

Объявление территории в качестве основного объекта охраны и использования — может показаться спорным, а потому требует пристального рассмотрения. К сожалению, в самом документе нет логического обоснования необходимости территориального подхода к сохранению наследия, не раскрыта в нём (как собственно и в других публикациях Института) и «особая роль» этого подхода, а также смысл формулировки «элементы наследия».

Для начала целесообразно рассмотреть, каковы основания для выбора территориального подхода, предлагаемого Институту и уже проводимого на практике, и в чём состоит его особая роль (если она есть).

Вполне очевидно, что функционирующая и по настоящее время советская система деятельности по охране памятников имеет территориальный принцип — государственное административно-территориальное деление страны, горизонтальная структура системы управления, в основе которой — традиционно и исторически сложившееся районирование огромной территории в соответствии с природными, хозяйственными, национальными, культурными и мировоззренческими различиями. Вертикальную структуру этой системы представляло административно-политическое управление с унифицированным для всех отраслей хозяйства механизмом. Причём жесткая вертикальная структура была в системе управления не просто доминирующей, но подавляющей. Такой принцип сам по себе обуславливает процесс стандартизации управляемых территориальных единиц. Кроме того, советская идеология, изначально ориентированная на уничтожение культурной традиции и создание новой, наднациональной культуры, объекты традиционной культуры воспринимала как «памятники» — рудименты прошлого и не считала их предметом первоочередной заботы государства. В результате советская система управления оказалась в конфликте с традиционной культурой регионов, поскольку игнорировала и тем самым нивелировала её своеобразие. Автор идеи территориального подхода в сохранении культурного наследия Ю.А. Веденин еще в конце 80-х годов обращал внимание на несоответствие административно-политического устройства страны «структуре отдельных культурных ландшафтов», точнее — специфике традиционной региональной культуры, как причину возникновения конфликтных ситуаций [3, с.13].

Но есть и другой, не менее важный аспект проблемы — конфликт принципа управления со спецификой управляемого объекта (в данном случае это традиционная региональная культура) приводит к уничтожению этой специфики, следовательно, и самого объекта.

Территориальный подход, предложенный Институтом Наследия в определённой степени является методологической основой разработки организационно-управленческой структуры деятельности по *сохранению и использованию* наследия. Горизонтальная составляющая в этой структуре представлена полиструктурным комплексом территориальных единиц, осмысленных авторами концепции в качестве культурного ландшафта. Возможно, здесь необходимо уточнение: культурный ландшафт в рассматриваемой концепции является полиструктурной системой территориальных *единиц культуры и наследия*. Таким образом, выявляется территориальная константа этих, казалось бы, умозрительных объектов. Вертикальная составляющая представлена элементами и связями организации и управления разных уровней, от органов государственного управления до учреждений культуры на местах, с учётом локальной специфики территориальных единиц. Это даёт основания для обозначения её как элемента территориальной организации с функциями управления и проектирования на местах. Здесь также принципиальное отличие от унифицированного и унифицирующего управления «народным хозяйством».

Разрабатываемый в Институте Наследия подход имеет ещё несколько качеств, которые определяют его особую роль.

Прежде всего, отличия данного проекта организационно-управленческой деятельности по сохранению наследия явились результатом фундаментального изменения самого подхода к феномену наследия. В основе этого подхода *функциональное*, даже

прагматичное отношение к наследию как к фактору, направляющему процессы общественного развития [3], т. е. фактору социальному, в противоположность усмотрению в нём памятников прошлого с демонстрационно-развлекательной ролью.

ВРЕЗКА Прагматическое отношение к наследию обусловило необходимость замены унифицирующей системы управления на специализированную, соответствующую особенностям деятельности в сфере наследия. Собственно необходимость такой замены и является логическим обоснованием территориального подхода. **КОНЕЦ ВРЕЗКИ**

Таким образом, в проекте Института Наследия акцент в системе взаимодействия горизонтальной (территориальной) и вертикальной (управленческой) структур сдвигается в сторону объекта управления — состояния культуры и наследия, рассматриваемых в территориальном аспекте. Объект управления и принцип управления выходят из противоречия, гармонизируются и становятся в отношении *взаимосоответствия*. Это фундаментальная характеристика рассматриваемого подхода.

Культурный ландшафт как территориальная единица культуры и наследия

Представляемая Институтом Наследия концепция *культурного ландшафта* (территориальной единицы культуры и наследия) разрабатывается в русле культурной географии. *Культурный ландшафт* является основным инструментальным понятием культурной географии как научной дисциплины, объектом исследования которой являются территориальные аспекты культуры, а предметом — комплекс знаний о культуре в её территориальных аспектах и о методах их использования.

Культурный ландшафт предоставляет большие возможности в качестве инструмента организации государственной деятельности по сохранению культуры и наследия, для которой стратегической задачей является «формирование историко-культурного каркаса страны», т. е. системная (в частности — картографическая) фиксация территориальных единиц культуры и наследия, имеющих региональную специфику.

Идея создания историко-культурного каркаса страны очевидно перекликается с разработанным в 80-е гг. в экономической географии принципом *опорного каркаса* территориальной структуры социально-экономической системы страны. Это узловой момент концепции территориальной структуры как инструмента анализа систем народного хозяйства, основательно разработанной с методологических позиций. «Опорный каркас — это квинтэссенция территориальной структуры, её генерализованный линейно-узловой слепок... Целенаправленное наращивание и совершенствование опорного каркаса принадлежит к разряду стратегических задач социально-экономической политики нашей страны...» — так квалифицированы специалистами сущность и функциональность опорного каркаса как метатерриториальной структуры [7].

Эффективность использования аналогичного метода в организации деятельности по сохранению культуры и наследия не вызывает сомнений, это необходимый и неизбежный этап формирования базового знания. Хотя в данном случае следует проводить онтологическое и функциональное различие территориальной структуры в экономической географии и культурного ландшафта как в культурной географии, так и в парадигме деятельности по сохранению культуры и наследия.

В теоретическом аспекте «территориальная структура — стержневая категория экономической географии, которая обозначает предмет и охватывает многие основополагающие понятия этой науки...» [7]. Методологически это инструмент анализа и управления экономикой. Как феномен «территориальная структура — объективно существующий структурный вариант народнохозяйственной системы, своего рода её территориальная константа» [7].

Методологически понятие *культурный ландшафт* — инструмент получения комплексного знания о культуре в её территориальных аспектах, т. е. инструмент формирования и развития предмета культурной географии. И, что немаловажно, это также инструмент прагматического использования научного знания.

В феноменальном плане проявляются основные различия явлений *территориальная структура* и *культурный ландшафт*.

Так, если территориальная структура — реально существующий конкретный вариант структуры, то каждый культурный ландшафт как территориальная единица культуры представляет собою территориальную целостность, которую можно выделить по какому-либо параметру или признаку. Это могут быть административные или природные границы региона, сложность или единообразие структуры, объединяющей природные компоненты с материальными объектами культуры и/или культурного наследия и пр. Как территориальная единица культуры, каждый культурный ландшафт имеет свои структурные особенности при неременном наличии основной, качественной и функциональной структурной характеристики — синтеза природных элементов и условий с материальными объектами цивилизации и культуры, имеющими выраженные территориальные характеристики.

Таким образом, **ВРЕЗКА** *культурный ландшафт* — это единица территории, основной характеристикой которой является синтез объектов культуры и природных объектов и условий, и это единица культуры, основным признаком которой является наличие территориальной структуры. **КОНЕЦ ВРЕЗКИ**

Благодаря такой амбивалентности культурный ландшафт является функциональным узлом, связывающим в деятельностной системе сохранения и управления состоянием культурного и природного наследия горизонтальную (территориальную) и вертикальную (организационно-техническую) составляющие.

Вертикальная структура в этой системе, согласно рассматриваемой концепции, должна развиваться по таким функциональным каналам, как законодательное, административное, экономическое управление и экологический мониторинг, который, помимо контрольной функции, является также инструментом и каналом управления. Она охватывает уровни от высших государственных органов управления и контроля (профильное министерство, госинспекции, спецуправления в значительных культурных центрах) до наиболее простых территориально-культурных единиц, каковыми являются, в основном, музейно-усадебные и музейно-исторические комплексы и национальные парки. Так многоканальная система управления с административно-государственного уровня вырастает непосредственно в социальное пространство культуры, функционируя через культурные учреждения, которые становятся инструментами управления. Тем самым они из пассивной субстанции — объекта управления — становятся функциональным элементом процесса и системы деятельности в сфере культуры и наследия. Мало того,

именно на уровне работы культурных учреждений — центров исторически сложившихся территориальных культурно-природных единиц процесс управления обретает конкретную специфику и многофункциональность.

Таким образом, выявляются особенности исследуемого подхода, являющиеся как бы «сторонами одной медали»:

- *разработка для культуры и наследия* (являющегося в любой ипостаси продуктом и элементом культуры) *специализированной системы управления*, в своей горизонтальной (территориальной) структуре соответствующей «историко-культурному каркасу страны»¹.
- *смена ракурса в отношении к наследию* — усмотрение в нём функционального элемента социума, формирующего общественную жизнь [3].

Именно эти два фактора — прагматический подход к наследию и разработка принципов специализированного управления социальной сферой культуры и наследия являются основными характеристиками и базовыми явлениями нового этапа деятельности по сохранению наследия. *Территориальный подход* означен так же как географический, поскольку территориальность — специфический аспект географических исследований, что отражает реальную ситуацию разработки концепции, которая осуществляется в двух пространствах — собственно научном и научно-прикладном.

Идеологическая, научная и эмпирико-операциональная составляющая *Основных положений...*

Тезисы «*Основных положений...*» принципиально можно разделить на три группы, относящиеся к различным планам деятельности — идеологическому, научному и эмпирико-операциональному, т. е. плану организационно-технической деятельности.

Анализ *идеологического* плана рассматриваемого документа сразу же выявляет необходимость некоторых уточнений. Так, авторы утверждают, что в основе стратегии сохранения наследия «лежат три взаимосвязанных между собой концепции — ноосферная, экологии культуры и культурного ландшафта» [5]. На самом деле функциональность этих трёх «основ» концепции и стратегии сохранения наследия различна и их связь достаточно опосредована. Изначально утверждалось, что ноосферная концепция является методологической основой концепции культурного ландшафта [7]. Позже она была заявлена и как методологическая основа территориального подхода к сохранению наследия. Очевидно, что собственно идеологической основой является развёрнутый Д.С.Лихачёвым тезис «экологии культуры». И все же наиболее убедительным и неоспоримым идеологическим обоснованием данной концепции сохранения наследия представляется тезис (высказанный, правда, в контексте «стратегии преобразования биосферы в ноосферу»): «разнообразие культур, постоянное их

¹ В сфере культуры существует объективная потребность выведения старого советского административно-политического территориального «каркаса» на уровень новой структуры, коррелирующей со спецификой деятельности.

оппонирование друг другу — вот обязательное условие нормального развития общества» [3].

Идея В.И. Вернадского о формировании «новой геологической силы — ноосферы» стала философской и научной предпосылкой поиска адекватного такому мировоззрению инструментального понятия. Наконец, понятие «культурный ландшафт» — это и есть инструмент научно-практического осмысления деятельности по сохранению наследия и основная категория территориальной концепции этой деятельности.

Переходя к анализу *научной* составляющей концепции, необходимо признать, что разработка проблемы проводится пока на эмпирическом уровне и в научном, и в методологическом плане. Эмпирически заданы важнейшие смысловые категории — *культура, наследие*. При этом весьма существенно указание на полифункциональность наследия в социуме [5]. Основная же категория и инструментальное понятие концепции — *культурный ландшафт* — является результатом авторской теоретической и методологической разработки.

Понятие *ландшафт* в физической географии означало «место» в его территориально-географическом аспекте. Модификацию *культурный ландшафт* оно обрело сначала для различения его природного либо антропогенного происхождения. Развиваясь в культурной географии, это понятие стало означать территорию, основным признаком которой является наличие материальных объектов культуры [10]. В парадигме этой дисциплины и были сделаны попытки разработки теоретических положений и идеальной модели культурного ландшафта.

Культурный ландшафт представлен авторами как совокупность неких «слоёв» — природного и образующегося на нём культурного, который «расслаивается», с одной стороны, на слои материальной и духовной культуры, а с другой — на культурное наследие и современную культуру, которая, в свою очередь — на культуру традиционную и новационную [3]. Перечисленные основные компоненты культурного ландшафта — это не схема процесса или системы как взаимодействия элементов. Здесь отсутствует связь природного и культурного слоёв; не определена функция природного слоя, предлагаемое стратиграфическое рассмотрение культуры также не функционально, поскольку не даёт представления о сущности культуры как процесса. В построении подобной схемы более продуктивно использование не иерархического принципа, а комплексного сетевого, более адекватного структуре культуры как системы.

Между тем, поскольку смысл такого явления, как культура, не исчерпывается совокупностью материальных объектов, в культурной географии неизбежно встала проблема работы с сущностными явлениями культуры (например, феномен эстетического) с географических позиций, что явилось основанием тенденции расширения смысла основного инструментального понятия дисциплины, каковым является «культурный ландшафт». Поэтому Ю.А. Веденин и сформулировал свою концепцию культурного ландшафта как «целостной территориально локализованной совокупности тел и явлений, сформировавшейся в результате взаимодействия природных процессов и разнообразной деятельности человека, при этом результаты деятельности человека, воплощённые в объектах материальной и духовной культуры, являются частью культурного ландшафта» [9]. Феномен культурного ландшафта осмысливается как «совокупность» не только материальных тел, но и явлений». Что имеется в виду под

обобщенным «явления», раскрывают другие версии формулировки, в частности, вариант 1988 года: «Методологической основой для новой интерпретации понятия «культурный ландшафт» является концепция о ноосфере. В соответствии с ней культурный ландшафт может быть определён как территориально локализованная совокупность вещества, энергии и информации, сформировавшихся в результате спонтанных природных процессов, преобразовательной и интеллектуально-созидательной деятельности людей» [3]. Как следует из этого определения, под *явлениями* прежде всего имеется в виду «информация», а также «интеллектуальные и духовные культурные ценности».

Определение 1997 года ещё более конкретизирует круг явлений, относимых автором к сущности культурного ландшафта: «... культурный ландшафт может быть определён как целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединённого действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей» [2].

Продвигаясь в этом направлении, автор утверждает (через 6 лет): «...по мере усиления роли ландшафта в национальном или мировом культурном пространстве значение его духовно-интеллектуальной компоненты возрастает. Наука, искусство, религия начинают восприниматься в качестве его важнейших элементов, предопределяющих функционирование и развитие ландшафта, отражающих его сущность как особой социокультурной и природной геосистемы» [1].

Цитированные определения позволяют сделать следующие выводы:

— множественность дефиниций свидетельствует об эмпиричности исследования и незавершённости теоретического осмысления объекта («культурный ландшафт»);

— «интеллектуальные и духовные культурные ценности» идентифицируются как наука, искусство, религия — т. е. деятельностные системы и процессы человеческого сознания, но взятые как бы сами по себе, без результатов (продуктов) деятельности. Такая идентификация основана на весьма распространённом эмпирическом разделении культуры на «материальную» (т. е. продукты системной деятельности) и «духовную» — как бы не дающую материализованных результатов;

— не используется различие культуры и такой деятельностной системы, как цивилизация — «рутинная жизнеобеспечивающая деятельность людей». ² Очевидно, при наличии множества концептов культуры в этой ситуации целесообразно выбрать или разработать концепт, являющийся наиболее адекватным инструментом решения поставленной задачи.

В разработках последователей рассматриваемой концепции расширение смысла понятия *культурный ландшафт* проводится в двух направлениях.

² Позиция максимально широкого рассмотрения культуры как «всего, что не природа», которое практически ставит знак равенства между «культурой» и «цивилизацией», привлекательна тем, что придаёт концепции видимую масштабность охвата. Но такая позиция лишает возможности качественного выделения культуры в других деятельностных системах как сферы творческих отношений и системы творческих процессов, в которых совершенствуется природное и создаётся новое. Следовательно, эта позиция лишает оснований и выделение культурного ландшафта в перечне других антропогенных ландшафтов.

Кроме не слишком удачного выбора концепции культуры, это перемещение акцента с географических, т. е. территориальных, аспектов (означаемых термином *ландшафт*) на рассмотрение культуры как таковой. В результате специфика географического исследования утрачивается, предмет знания культурной географии попросту теряется. Симптоматично, что термин *территория* в них почти полностью замещен понятием *пространство*, имеющим кроме значения территориальной протяженности, еще математический и философский смысл. Такая ситуация замещения специфической географической предметности предметностью культурологии в принципе характерна для современной культурной географии [9]. Культура как глобальная полиструктурная система многопредметна для знания. И очевидно, что с географических позиций целесообразно концентрироваться на её территориальном аспекте, получая и формируя комплекс знаний о соотношениях и взаимодействиях её территориальных единиц (*культурных ландшафтов*). Территориальность для культуры — не системообразующий признак. Но географическое исследование этого признака является для культурологии инструментом (методом) выявления многообразия феноменальных проявлений культуры, анализа законов их взаимодействия. Методологическая задача культурной географии — сформировать и предоставить в пользование другим наукам один из инструментов исследования культуры в её феноменальном плане.

Далее, позиция «самого широкого толкования культуры» предопределяет понимание культуры как «совокупности» культурных продуктов, при этом сама система и её структура остаются вне поля зрения. Тезис «культура как всё, что не природа» предполагает разрыв и противостояние (в сознании) этих феноменов, что отразилось и в рассмотренной идеальной модели культурного ландшафта вопреки факту, что природа — лоно возникновения цивилизации и культуры и изначальный материал для их процессов. Эта позиция предопределила и разделение культуры на «материальную» и «духовную» и отнесение к «формам проявления духовной культуры» продуктов самых различных деятельностных систем.

Положение «культура как антитеза природы» стало основанием и своеобразной трактовки связей культуры и природы — «культура входит в ландшафт не только через результаты, но и через процессы деятельности, через потоки энергии и информации, которые связывают природу с культурой» [3]. В контексте этого высказывания присутствует связь природы с культурой. Но определение её основного вектора вызывает возражения с позиций системно-структурного рассмотрения.

В феноменальном плане культура, «питаясь» природой и цивилизацией, в лоне которой она только и возможна, использует их как материал, втягивая в свою систему. Культура и теоретически не может «входить в ландшафт», поскольку эти термины и означаемые ими феномены генетически и функционально разнородны. *Ландшафт* — инструментальное понятие географии, означающее, собственно говоря, место, т. е. территориальную единицу любого явления, в том числе любого вида деятельности. Культура как система духовной деятельности использует территориальные элементы ландшафта в качестве материала творческих и преобразовательных процессов.

Таким образом, логичнее говорить о втягивании в пространство культуры территориальных элементов ландшафта через процессы творчества с использованием их как материала, в которых либо образуется синтез элементов цивилизации, культуры и

природы, либо происходит полная переработка и уничтожение последних. Это положение принципиально для определения возможности включения в структуру культурного ландшафта как территориального образования тех или иных процессов и элементов культуры и других деятельностных систем.

Необходимость специального рассмотрения этого вопроса диктуется и тем, что направление его разработки определяет выбор методологического инструментария и принципы систематизации культурных ландшафтов в качестве географических объектов, т. е. конкретных территориальных образований, и как объектов наследия, поскольку с 1992 года культурный ландшафт рассматривается ЮНЕСКО в качестве одной из номинаций наследия.

Проблема *интеллектуальных и духовных ценностей как элементов культурного ландшафта* была заложена в рассмотренной схеме его идеальной модели. В концептуально-научном плане её разработка ведётся по двум направлениям. Одно из них обозначено проблемой «культурный ландшафт и его образ» [1], другое возможно обозначить как «информация как ценностный критерий культурного ландшафта». В разработке этих проблем ведущим и объединяющим является один, вышеозначенный аспект — возможность включения такого элемента, как *духовная культура*, в структуру культурного ландшафта, утверждение территориальности в качестве её признака. Представляется, что этот вопрос не имеет того однозначного (положительного) решения, которое априори принято в рассматриваемой концепции.

ВРЕЗКА Формулировка проблемы «культурный ландшафт и его образ» является как бы переходом от культурной географии непосредственно в парадигму философской эстетики, теоретическую проблематику культурологии и искусствознания. Эта тенденция просматривается и в идеальной модели культурного ландшафта, в функциональном выпадении из его структуры такого элемента, как природа. **КОНЕЦ ВРЕЗКИ**

Переход в исследовательскую сферу культурологии декларируется последователями концепции как принципиальная установка предмета культурной географии, а разработка темы практически идёт в русле рассмотрения виртуальных образов пространства с виртуальными же привязками к территории [4,10]. Приходится констатировать противоречие изначального стремления представить «духовную культуру» в качестве структурного элемента культурного ландшафта, т. е. наделение духовной культуры признаком территориальности, и изначального же стремления к выходу за пределы территориальности (географии) в парадигму эстетического и, конкретно, культурологии. Ведь с теоретических позиций философской эстетики и культурологии образ пространства — любого, в том числе и конкретного ландшафта, и культурного ландшафта, — это продукт процессов сознания. И пока он не объективирован в какой-либо материальной структуре — акустической (вербальной, музыкальной и др.), оптической или «вещной» (средствами изобразительных искусств и архитектуры, кино или в любой другой материальной структуре), ни о какой территориальности образа вообще не может быть речи, поскольку он ещё *трансцендентен* как идея.

Таким образом, *включение виртуального образа* (в том числе и образа пространства) *в морфологическую структуру культурного ландшафта не имеет достаточных эмпирических и теоретических оснований.*

В этом плане логично принятое в культурной географии (вне рассматриваемой концепции) «рассмотрение образа географического объекта только как отражения последнего в поле культуры, вне самого ландшафта» [1]. Когда образ уже объективирован в некой материальной структуре, есть два варианта его территориальности по степени привязки к территории и, тем самым, к конкретному ландшафту. Первый — образ *транстерриториален*, когда возможно перемещение его материальной структуры без искажения информационно-образной структуры: сохраняя свою идеальную трансцендентную основу, он может быть мобильным элементом морфологической структуры любого культурного ландшафта, смотря по тому, где находится. Другой вариант — образ объективирован с помощью элементов материальной структуры конкретного ландшафта либо языком архитектуры, специфика которого в диалогичности с природными формами: образ имеет *константную территориальность* и, действительно, может рассматриваться как элемент морфологической структуры культурного ландшафта.

Проведённый анализ показывает реальную обоснованность установки ЮНЕСКО на то, что объектами наследия могут быть признаны те ландшафты, на территории которых имеются материальные объекты природного и/или культурного наследия.

Разработке другой составляющей проблемы — «духовная культура в качестве элемента культурного ландшафта», обозначенной здесь как «информация как ценностный критерий культурного ландшафта», посвящена недавняя публикация Ю.А. Веденина, автора рассматриваемой концепции — *Информационные основы изучения и формирования культурного ландшафта как объекта наследия* [1]. Позиция автора характеризуется следующими тезисами:

- «При рассмотрении культурного ландшафта как объекта наследия в качестве основной ценности рассматривается не сам объект как некое материальное тело, а информация, которую данный объект несёт в себе».
- «В данной работе мы рассматриваем информацию в её первоначальном значении, т. е. как систему сведений об объектах и явлениях».
- «Восприятие культурного ландшафта как объекта наследия обусловлено не только его объективной ценностью, но и его популярностью среди широкой публики».
- «Формирование «имиджа» объекта и определение его истинной ценности отнюдь не всегда жёстко связаны друг с другом».

Цитированные высказывания имеют основой всё то же прагматическое отношение к культуре и наследию. В этой же работе автор справедливо отмечает «необходимость целенаправленного формирования информационного слоя культурных ландшафтов России».

ВРЕЗКА Прагматичное отношение к наследию, предполагающее его максимальную функциональность в жизни общества, легко перетекает грань, за которой прагматизм предстаёт как некий житейский утилитаризм. **КОНЕЦ ВРЕЗКИ** Это вполне приемлемо в отношении к тому, что является наследием, но для наследия как продукта творческих процессов культуры этот подход явно занижен, поскольку акцентируется не воспитательный и образовательный аспекты информации как инструмента культуры, а

сведения — как привлекательная «упаковка» объекта. Такое впечатление возникает из-за неразличения терминов *информация* и *сведения*.

Нельзя согласиться и с утверждением автора о первичности смысла понятия информация как комплекса сведений. Понятие *информация* поливалентно в эмпирическом плане, но теоретически и онтологически информацией становится любой смысл любого явления (чувственной, эмоциональной, ментальной либо духовной природы) в процессе передачи от источника к реципиенту любым способом (традиции или трансляции) и по любому каналу. В СМИ основным является одно значение термина — *сведения*, т. е. фрагменты знания об объекте. Если информация в онтологическом плане всегда несёт ту или иную сущностную характеристику явления, то сведения — это вторичный слой информации, признаковый, чаще всего преходящий и далеко не всегда достоверный. Именно второй смысловой вариант понятия *информация* как утилитарная «массовая информация» и использован в рассматриваемой работе.

Утверждение, что материальная структура объекта наследия (в том числе и культурного ландшафта) не может рассматриваться в качестве «основной ценности», также проблематично. Ясно, что без аутентичной материальной структуры объект наследия просто не существует как таковой, и его образная идея для возобновления информационной функции будет нуждаться в воспроизведении либо в реконструкции утраченной материальной структуры, любыми средствами — графическими, вербальными, аудиовизуальными и пр.

Таким образом, проблема информационной ценности объекта наследия в рассматриваемой работе представлена под углом зрения, соединяющим научную и организационно-техническую грани концепции культурного ландшафта и ландшафтного подхода к сохранению наследия.

Итак, определяющей в концепции *Основных положений...* является изначально заложенная автором в схеме культурного ландшафта кажущаяся *динамика* содержания понятия *культурный ландшафт* — от значения территориальной единицы культуры и культурного наследия, имеющего научную функцию в парадигме культурной географии и вполне эффективной в социальном плане культуры как инструмент её стабилизации и сохранения культурного наследия, к *культурному ландшафту* как символической единице культуры, «образу-орудию» или «образу-инструменту», предназначение которой — выполнять те же функции, но уже не с географических позиций, а с позиций культурологии.

Практическая и методологическая целесообразность такой операции проблематична, даже если не принимать во внимание необоснованность включения в территориальную структуру культурного ландшафта функциональных процессов культуры как системы.

В методологии исследований культурного ландшафта как объекта культурной географии и как территориальной единицы — инструмента сохранения культурного и природного наследия привлекают внимание две тенденции. Одна просматривается в переходе из парадигмы культурной географии в сферу культурологии и декларируется как возможность «исследования культуры и искусства методами географии» [4,10]. Это могло бы не вызвать недоумения при наличии необходимого ограничения — «исследования территориальных аспектов культуры и искусства». Другая тенденция наблюдается в

разработке методов сохранения культурного и природного наследия. Поскольку в структуре культурного ландшафта как территориальной единицы соединяются природные элементы и материальные объекты цивилизации и культуры, имеется проблема классификации культурных ландшафтов и критериев отнесения их к объектам того или иного вида наследия. В связи с этим разработчиками концепции выдвинут тезис: «Применение отдельных групп критериев по природному и культурному наследию, составленных в различной логике, в ряде случаев создаёт искусственные барьеры между природой и культурой и препятствует пониманию природно-культурного континуума, в котором существуют объекты Всемирного Наследия. В данной ситуации концепция культурного ландшафта становится основным аргументом сторонников объединения критериев, связующим звеном между природными и культурными ценностями наследия» [4]. Но очевидна невозможность и методологическая нецелесообразность универсализации ценностных критериев таких различных систем, как природная — почвенная, «сырьевая» для цивилизации и культуры, и культурная — система творчества, использующая элементы природы и цивилизации в качестве материала. Представляется, решение нужно искать на уровне другой, объединяющей *деятельностной* системы, каковой является деятельность по сохранению объектов наследия. Именно здесь должны быть разработаны ценностные критерии, в том числе и для структурных элементов культурного ландшафта.

В плане *научно-прикладной и организационно-технической работы* в сфере сохранения объектов наследия Институтом много сделано и делается. И хотя именно здесь основной стержень концепции, однако с учетом того, что в публикациях Института это направление отражено с достаточной полнотой, ограничимся лишь выделением основных результатов:

— разработка и апробация организационно-технических принципов создания социумной и государственной системы сохранения объектов наследия и управления ею посредством таких инструментов, как сеть особо охраняемых историко-культурных территорий, в основе создания которой — концепция культурного ландшафта;

— мониторинг состояния объектов наследия и среды, в которой они бытуют и взаимодействуют;

— разработка для этих территорий специализированных программ социально-экономического развития с учётом сохранения и использования объектов наследия [12], создание специфических методов картографической, территориальной фиксации объектов наследия и разработка комплексных методов их документирования.

Принципиальный момент в методологии сохранения объектов наследия, декларируемый разработчиками концепции территориального подхода, — необходимость перехода от сохранения единичных, «точечных» объектов к сохранению «территории со всем многообразием присущих ей элементов наследия» [5]. Противопоставление этих двух принципов в деятельности по сохранению объектов наследия абсолютно не оправдано, поскольку объект наследия самоценен, где бы он ни находился и ни рассматривался, и территория обретает ценность благодаря наличию в её структуре таких объектов. Очевидно, что эти два принципа являются взаимодополняющими при безусловном приоритете сохранения конкретных, материальных объектов наследия.

И в заключение основные выводы:

- В рассмотренной концепции есть элемент теоретичности, но нет системной теоретической базы. Наиболее сильные её аспекты — идеологический и организационно-технический. Это логично для прагматического подхода в деятельности по сохранению наследия, являющегося несомненным достоинством концепции.

- В историческом аспекте прогрессивным представляется акцент на концепции культурного ландшафта как инструмента сохранения наследия, на актуализации наследия в жизнедеятельности социума;

- Использование концепции как инструмента организации управления деятельностью по сохранению объектов наследия, несмотря на отдельные, порой значительные недоработки в научном и научно-методологическом планах (здесь ещё открытое поле для работы), может быть эффективным.

Список использованной литературы

1. *Веденин Ю.А.* Информационные основы изучения и формирования культурного ландшафта как объекта наследия // Известия РАН. Серия геогр.— 2003 — № 3.
2. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб.: Изд. Ин-та Наследия, 1997.
3. *Веденин Ю.А.* Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения.// Известия АН СССР. Серия геогр.— 1990. — № 1.
4. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия. // Известия РАН. Серия геогр. — 2001.— № 1.
5. *Веденин Ю.А., Шульгин П.М.* Основные положения современной концепции по управлению культурным и природным наследием // Наследие и современность: Информ. сб. — М.: Изд. Ин-та культ. и природ. наследия. — 2002 — Вып. 10.
6. *Николаева Н.В.* Вопросы систематизации объектов наследия // Материальная база культуры: Науч.-информ. сб. / Рос. гос. б-ка. Информкультура. — 2000 — №1.
7. *Полян П.М., Трейвиш А.И.* Территориальные структуры в науке и практике. — М.: Знание, 1988.
8. *Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии. // Известия РАН. Серия геогр. — 2002. — № 4.
9. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. — М.: Изд. Института Наследия, 1998.
10. *Туровский Р.Ф.* Культурная география.— М.: Изд. Рос. НИИ культурного и природного наследия, 1991.
11. *Шилин М.Ю.* Перспективы построения ноосферной философии культуры: Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия.— 2003. — № 4.

12. *Шульгин П.М.* Работа Института Наследия над комплексными региональными программами // Наследие и современность: Информ. сб. — М: Изд. Института Наследия.— 2002.— № 10.